

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

выпуск
41

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2017

УДК 930.26(082)
ББК (Т)63.4
А87

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Научный редактор А. Г. Фурасьев

Археологический сборник. 41 выпуск : материалы и исследования по археологии
А87 Евразии / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – с. : ил.
ISBN 978-5-93572-773-4

Археологический сборник Государственного Эрмитажа, включает в себя научные статьи, посвященные изучению археологических памятников эпохи палеолита, скифского и античного времени, а также краткие отчеты археологических экспедиций Эрмитажа о работах, проводившихся в 2015 году на огромной территории Евразии от Южной Сибири до Италии. Сборник предназначен для археологов и историков.

УДК 930.26(082)
ББК (Т)63.4

На обложке: Акра. Золотая серьга из строительного комплекса 3
На с. 4: Орлы из скифского погребения Золотого симферопольского кургана

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Часть 1. Исследования

- С. А. Демещенко.**
К вопросу о становлении искусства
малых форм палеолита 9
- Л. С. Марсадолов.**
Социальная стратификация
населения Алтая в VI–III веках до н. э. 34
- С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов.**
Золотой Симферопольский курган:
по материалам Государственного Эрмитажа 57
- Д. А. Костромичев, А. С. Намойлик.**
Пряжка с греческой надписью из некрополя
Херсонеса Таврического 89

**Часть 2. Отчеты археологических экспедиций
Эрмитажа**

- А. Н. Мазуркевич, Й. Мегро, Е. В. Долбунова,
М. Э. Полковникова, И. Г. Ширококов.**
Исследования неолитического памятника Сертея II 108
- С. М. Осташинский, Е. А. Черленок.**
Работы Закубанской экспедиции
Государственного Эрмитажа в 2015 году 113
- Т. В. Рябкова.**
Работы Южно-Кубанской археологической
экспедиции Государственного Эрмитажа
в Краснодарском крае и Адыгее 121
- К. В. Чугунов.**
Исследования кургана 1 могильника Бутры
в предгорьях Алтая 126
- Н. Н. Николаев, С. С. Миняев.**
Работы Центрально-Азиатской археологической
экспедиции на могильнике Оргойтон 143
- Н. А. Сутягина, Т. Р. Садыков, П. А. Морозов.**
Работы Забайкальской археологической экспедиции
на территории Республики Бурятия в 2015 году 159
- С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев, А. В. Кузнецов.**
Подводные археологические раскопки античного
города Акра в 2015 году 165
- Д. Е. Чистов, Ю. И. Ильина.**
Исследования экспедиции Государственного
Эрмитажа на острове Березань в 2015 году 177

Part 1. Research publications

- S. A. Demeshchenko.**
On the development of small forms
in Palaeolithic art 9
- L. S. Marsadolov.**
Social stratification in the Altai
in the 6th – 3rd centuries BC 34
- S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov.**
The Gold Mound in Simferopol: Objects from
the collection of the State Hermitage Museum 57
- D. A. Kostromichev, A. S. Namoylik.**
Buckle with a Greek inscription from the necropolis
of Tauric Chersonesos 89

**Part 2. Reports from archaeological exhibitions
of the State Hermitage Museum**

- A. N. Mazurkevich, Y. Megro, E. V. Dolbunova,
M. E. Polkovnikova, I. G. Shirobokov.**
Explorations on the Neolithic site Serteya II 108
- S. M. Ostashinsky, E. A. Cherlenok.**
Activities of the Transkuban Expedition
of the State Hermitage Museum in 2015 113
- T. V. Ryabkova.**
Excavations by the Southern Kuban Expedition
of the State Hermitage Museum
in Krasnodar Krai and Adygea 121
- K. V. Chugunov.**
Exploratory works on Mound 1, Bugry Gravesite
(Altai Foothills) 126
- N. N. Nikolaev, S. S. Minyaev.**
Excavations by the Central Asian Expedition
at the Orgoyton Gravesite 143
- N. A. Sutyagina, T. R. Sadykov, P. A. Morozov.**
Works by the Transbaikal Expedition
in Buryatia, 2015 159
- S. L. Solovyov, V. V. Vakhoneev, A. V. Kuznetsov.**
Subaquatic explorations on the submerged
city of Acra in 2015 165
- D. E. Chistov, Yu. I. Ilyina.**
Activities of the State Hermitage Museum
Expedition on Berezan Island in 2015 177

А. М. Бутягин, А. А. Еремеева, В. П. Колосов. Работы Мирмекийской экспедиции в 2015 году	217	A. M. Butyagin, A. A. Eremeeva, V. P. Kolosov. Activities of the Myrmekion Expedition in 2015	217
А. В. Катцова. Разведочные работы Китейской археологической экспедиции в 2015 году	229	A. V. Kattsova. Survey works by the Kyta Expedition in 2015	229
О. Ю. Соколова. Нимфейская экспедиция в 2015 году	238	O. Yu. Sokolova. The Nymphaion Expedition in 2015	238
Н. Ю. Новоселова. Археологические исследования в Херсонесе в 2015 году	248	N. Yu. Novoselova. Archaeological excavations in Chersonesos, 2015	248
А. М. Бутягин. Работы Стабианской экспедиции в 2015 году (результаты и перспективы)	261	A. M. Butyagin. Works by the Stabian Expedition in 2015: Outcomes and future prospects	261
Б. С. Короткевич. Исследования Верхнедвинской экспедиции на городище Анашкино	276	B. S. Korotkevich. Excavations by the Upper Dvina Expedition at the Anashkino Site	276
Л. С. Воротинская, А. И. Дробушевский. Работы Южно-Белорусской экспедиции на могильнике зарубинецкой культуры Горошков в Гомельской области	294	L. S. Vorotinskaya, A. I. Drobushesvsky. Works by the Southern Belarus Expedition at the Goroshkov Gravesite, Gomel Oblast (Zarubinet's Culture)	294
С. В. Воронятов. Разведочные работы Славяно-Сарматской экспедиции на селище Глажево Брянской области в 2015 году	300	S. V. Voronyatov. Survey works by the Slavic Sarmatian Expedition at the Glazhevo site, Bryansk Oblast, in 2015	300
А. И. Торгоев, В. А. Кольченко, А. В. Кулиш, А. Т. Жумбаев, Е. А. Кий. Исследования в Чуйской долине в 2015 году	304	A. I. Torgoev, V. A. Kolchenko, A. V. Kulish, A. T. Zhumbaev, E. A. Kiy. Research works in the Chuya Valley in 2015	304
Ш. Ф. Курбанов, П. Б. Лурье. Раскопки Пенджикентской археологической экспедиции в 2015 году. Краткий отчет	315	Sh. F. Kurbanov, P. B. Lure. Excavations by the Panjakent Expedition in 2015. Brief report	315
О. М. Иоаннисян, Е. Н. Торшин, П. Л. Зыков, Д. В. Дук. Работы Архитектурно-археологической экспедиции в Полоцке в 2015 году	323	O. M. Ioannisian, E. N. Torshin, P. L. Zykov, D. V. Duk. Works by the Architectural and Archaeological Expedition in Polotsk (2015)	323
М. Г. Крамаровский. Работы Золотоордынской (Старо-Крымской) экспедиции в 2015 году	335	M. G. Kramarovsky. Activities of the Golden Horde (Stary Krym) Expedition in 2015	335
С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц. Исследования крепости Чембало в 2015 году	351	S. B. Adaksina, V. L. Myts. Exploration of the Cembalo Fortress in 2015	351
Резюме	368	Summaries	368
Список сокращений	372	Abbreviations	372

К. В. ЧУГУНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА БУТРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Южно-Сибирская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 2015 году завершила многолетние исследования кургана 1 могильника Бутры, расположенного около одноименного села в Рубцовском районе Алтайского края (ил. 1). Работы на могильнике, состоящем из пяти крупных курганных насыпей, начались в 2006 году, когда в рамках совместной экспедиции Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа была проведена его тахеометрическая съемка [4]. Цепочка курганов, вытянутая по оси С–Ю, большей частью расположена на распаханном поле. Исключение – самый большой по площади курган могильника – 1, вокруг которого сохранилось не потревоженное распашкой пространство (ил. 2; 3). Он был выбран для исследований именно по этой причине, так как одной из поставленных задач являлось изучение периферии большого кургана, где, несомненно, должны были совершаться какие-то ритуальные действия. Еще одна задача – проверить раскопками гипотезу о происхождении части Сибирской коллекции Петра I из курганов этого региона. Кроме того, памятники таких внушительных размеров в Предалтайских степях не изучались ранее археологами из-за трудоемкости их раскопок, расположения на возделанных полях и очевидной сильной ограбленности могил в XVIII–XIX веках. Курган 1 могильника Бутры также имел многочисленные повреждения поверхности, но в отличие от подавляющего большинства подобных соору-

жений в Алтайском крае, опаживался только с западной стороны, где его насыпь частично подрезана грунтовой дорогой.

В 2007 году, перед началом раскопок, на могильнике были проведены геофизические работы, в которых участвовала группа специалистов из Алтайского государственного университета, Института нефтегазовой геологии и геофизики и Института археологии и этнографии СО РАН [5]. Геофизическая разметка памятника производилась согласно тахеометрическому плану с привязкой к единым реперам. По итогам измерений была построена магнитограмма кургана, на которой прослеживается практически полная конфигурация рва. Совмещение ее с планом позволило оптимизировать исследования и обеспечить привязку отдельных раскопок на периферии комплекса (ил. 4. С. 199). В процессе этой работы выяснилось, что в непосредственной близости располагается накопительный подземный резервуар, к которому подведены трубы водопровода, пересекающие ров, окружающий курган. Это обстоятельство отразилось на магнитограмме памятника сплошной аномалией в северо-восточной части.

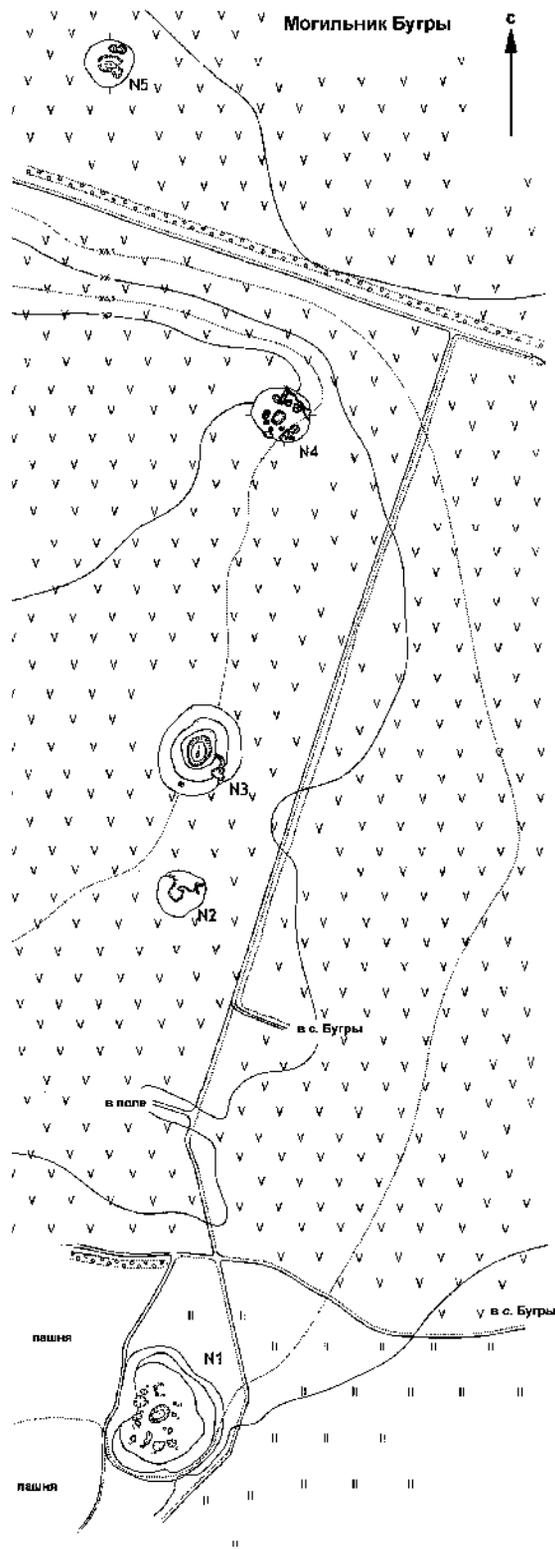
Насыпь кургана имела максимальную высоту 3,85 м от современной поверхности. Наибольший диаметр рва по внешней границе устанавливается на основании геофизического плана и составляет 115 м. Диаметр насыпи, которая, как показали исследования, сильно оплыла и окружена рвом на расстоянии 15 м, составляет около 75 м. В 2007 году

в южной части кургана и на его периферии были заложены три взаимосвязанных раскопа общей площадью 365 кв. м (ил. 5). Раскопы разбивались с учетом данных геофизики и привязывались к системе реперов на площади памятника, а также к основному базовому реперу за его пределами (R0). В результате этих исследований были открыты участки рва и вала, окружающих курган, и получена информация о структуре наземного сооружения памятника, необходимая для выработки дальнейшей стратегии раскопок. Так, стало очевидно, что отсутствие каменных конструкций под грунтовой насыпью дает возможность применить технику для снятия ее основной массы.

В процессе исследований с 2008 по 2015 год через наземное сооружение по оси С–Ю было пробито и зафиксировано семь основных разрезов (ил. 6. С. 199), которые позволили составить представление о его устройстве (ил. 7). На периферии комплекса произведены раскопки участков вала и рва, окружающих насыпь. В процессе этой работы был обнаружен ряд из шести поваленных стел (ил. 8) и зафиксирован проход во рву с восточной стороны.

Под наземным сооружением кургана были зафиксированы и исследованы три могильных ямы (ил. 6. С. 199) – могила 1, являющаяся основным центральным захоронением, и две боковых – могилы 2 и 3, расположенные к северо-западу и к югу от центра памятника.

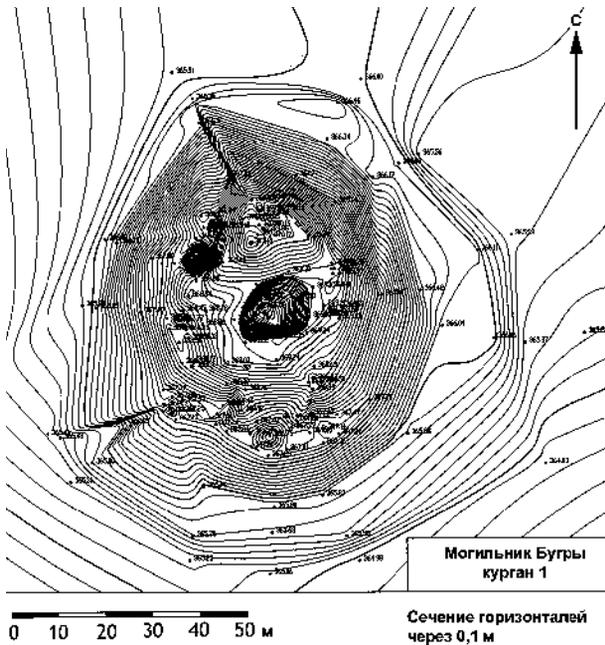
В северо-западной части кургана исследовано боковое захоронение – могила 2. Яма трапециевидной в плане формы ориентирована по оси ЮЗ–СВ. Длина ее составляет 4,70 м, ширина у юго-западной стенки 3,5 м, у северо-восточной стенки 2,85 м. Глубина ямы 4,8 м от горизонта погребенной почвы. Исследование стратиграфии наземного сооружения показало, что погребение было совершено в край уже существующей насыпи, после чего, вероятно, курган был досыпан (ил. 9). Несмотря на ограбления, одно из которых было совершено в древности, а другое – бугровщиками в XVIII–XIX веках, в могиле удалось

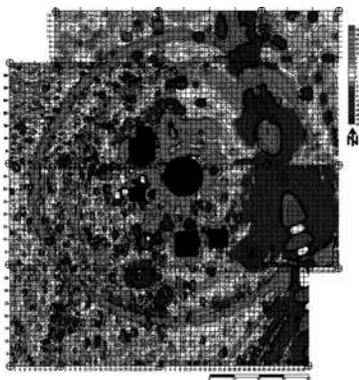
Ил. 1. План могильника Бугры

Ил. 2. Общий вид кургана 1 до раскопок 2007 г. Фото С. Б. Шапиро

Ил. 3. Тахеометрический план кургана 1

Ил. 4. Магнитометрический план кургана 1
(См. цв. вклейку на с. 199)

проследить многие детали погребальных конструкций и достаточно полно реконструировать ее устройство и последовательность сооружения.

Первоначально на дне ямы была сделана вымостка из гранитных блоков, на которой сооружен сруб из сосновых¹ бревен не менее пяти венцов высотой. Бревна нижнего венца залегают на вымостке через небольшую (мощностью в 3–5 см) прослойку грунта, вероятно, преднамеренно подсыпанного. Вокруг сруба была построена циста из гранитных блоков, впоследствии сильно разрушенная при неоднократных проникновениях в могилу грабителей (ил. 10). Перекрытие погребальной камеры не сохранилось, но, вероятно, оно тоже состояло из деревянного наката и камней сверху. Об этом говорит то, что сруб, сопряженный в обло, был дополнительно укреплен столбовой конструкцией. Для шести столбов, расположенных внутри сруба в его углах и по центру длинных стен, были специально оставлены свободные от камней участки дна, где выкопаны ямы (ил. 11). На этих столбах, вероятно, должны были лежать поперечные лаги, поддерживающие перекрытие из продольно уложенных бревен. Одновременно глубоко вкопанные столбы укрепляли стены сруба и сдерживали давление на него каменной

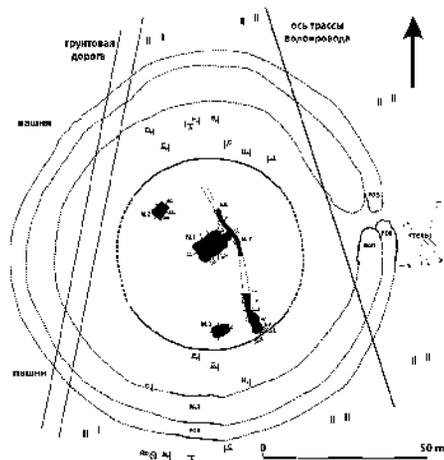
¹ Здесь и далее – определение породы дерева по анатомическому строению древесины выполнено в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа к. б. н. М. И. Колосовой.

конструкции. Глубина столбовых ям в ряде случаев достигала полуметра.

Захоронение, совершенное в этом монументальном сооружении, некогда было очень богатым. При раскопках в заполнении могилы обнаружено множество мелких предметов, большинство из которых – золотые украшения погребального костюма (ил. 12, С. 200). Все кости скелета (мужчина возрастом около 40 лет²), найденные среди камней, покрыты окислами бронзы. Это говорит о том, что погребальный наряд был некогда сплошь декорирован золотыми бляшками на бронзовой основе, которая к моменту ограбления уже сильно окислилась. Наиболее примечательные находки сделаны в западном и северном углах сруба. Рядом со столбовой ямой среди фрагментов бревен найдены три бляшки в виде профильной головы человека в головном уборе. Бляшки выполнены из бронзы, плакированной золотой фольгой (ил. 12, 27–29, С. 200). Под юго-западной стеной сруба собрано значительное количество фрагментов красно-черного лака. В северном углу среди перемещенных костей стоп зафиксировано скопление цилиндрических пронизей из аргиллита и серебра, залегавших

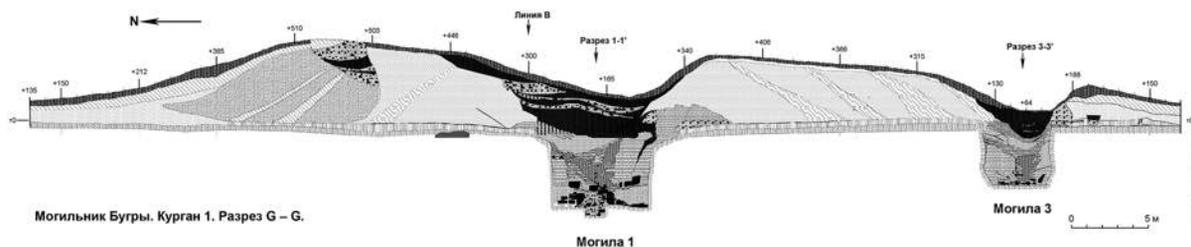

Ил. 5. Курган 1. Раскопы 2007 г. в южной части памятника

Ил. 6. Курган 1. План-схема с обозначением основных разрезов и комплексов. (См. цв. вклейку на с. 199)

² Определение С. С. Тур (Алтайский государственный университет).

Ил. 7. Курган 1. Один из разрезов в центральной части. Фото В. И. Никифорова, чертёж Н. А. Суягиной

Ил. 8. Ряд поваленных стел к востоку от кургана 1.
Фото С. Б. Шапиро

бессистемно, но, вероятно, связанных с украшением обуви (ил. 12, 25, 26. С. 200). Здесь же, но чуть выше, найдена серебряная бляха (ил. 13, 1. С. 201), выполненная в зверином стиле – украшение пояса. Помимо нашивок из фольги и бляшек различных геометрических форм, в заполнении могилы собрано некоторое количество мелких обломков корродированных железных предметов, включая фрагменты с инкрустацией золотыми полосками. Из определимых железных предметов найден спекшийся монолит, из которого удалось вычлнить фрагменты трехлопастных черешковых наконечников стрел.

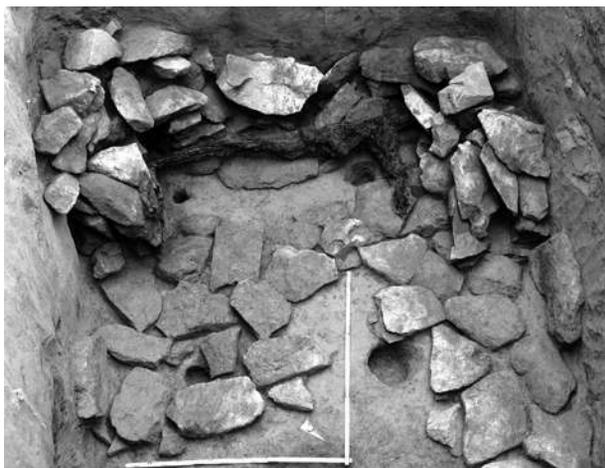
Особо надо отметить находку нескольких уникальных деревянных фигурок, вырезанных из сосны (у одной сохранилась вставная «рука» в виде палочки, обернутой бронзовым листом; еще две таких «руки» лежали отдельно). Одна фигурка найдена отдельно, а три залежали рядом с северо-западной стенкой сруба (ил. 14). Здесь, на том же уровне, зафиксировано скопление мелких прямоугольных

Ил. 9. Могила 2. Пятно могильной ямы и разрез над ней. Фото С. Б. Шапиро

Ил. 10. Могила 2. Остатки погребальной камеры на дне. Фото В. И. Никифорова

Ил. 11. Могила 2. Погребальная камера в процессе исследований. Фото В. И. Никифорова

бляшек из золотой фольги. Кроме того, рядом с фигурками найдены фрагменты тонкой бронзовой проволоки (один из фрагментов состоит из двух частей, соединенных при помощи петли).

К югу от центра кургана исследована могила 3, так же как и рассмотренная выше, впущенная в уже существующую насыпь. Могильная яма, ориентированная широтно с небольшим отклонением к ЮЗ, имеет размеры $4,8 \times 3,5$ м. Глубина могилы 4 м. Устройство погребального сооружения на дне несколько отличается от зафиксированного в могиле 2. Оно не столь монументально. Здесь не было столбовой конструкции, и камни не образовывали цисты вокруг сруба, а были уложены только на перекрытие. Сруб имел три венца. При зачистке в восточной половине удалось проследить особенности устройства перекрытия: сплошной продольный накат из бревен опирался на редко расположенные поперечные лаги, которые были уложены поверх продольных стен сруба. Сам сруб установлен на плотной вымостке из камней, которая залегает непосредственно на дне ямы. Границы ее по ширине точно совпадают с площадью сруба, а по длине с размерами ямы. Общие размеры сруба $3,7 \times 1,9$ м, но очертания его, вероятно, были слегка трапециевидные, расширяющиеся

Ил. 12. Некоторые находки в могиле 2. (См. цв. вклейку на с. 200)

Ил. 13. Находки. (См. цв. вклейку на с. 201)

Ил. 14. Могила 2. Резные деревянные фигурки

к западу. Уверенно утверждать этого нельзя, так как западная стенка сохранилась фрагментарно. В процессе ограбления был полностью разрушен юго-западный угол деревянной конструкции, яма расширена, и в образовавшееся пространство свалены камни от перекрытия (ил. 15).

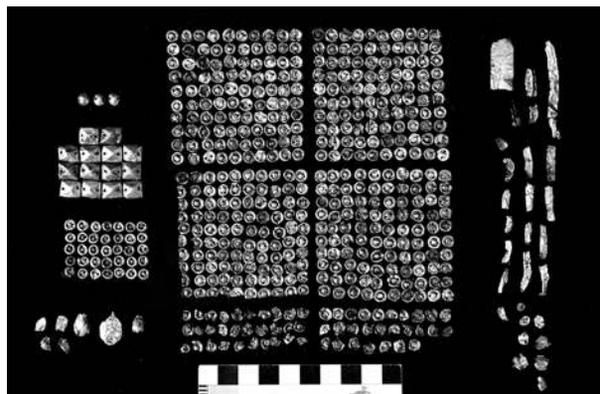

Ил. 15. Могила 3. Остатки погребальной камеры на дне.
Фото В. И. Никифорова

Кости погребенного (вероятно, мужчины пожилого возраста) были перемещены и встречались в заполнении бессистемно. Основное их скопление, которое включало фрагментированный череп, сросшиеся позвонки и длинные кости ног, зафиксировано под восточной стенкой сруба ближе к его северо-восточному углу. В заполнении, и особенно в придонной части могилы, были сделаны многочисленные находки, свидетельствующие о богатстве захоронения. Подавляющее большинство – мелкие нашивные бляшки разных геометрических форм из фольги и тонкого золотого листа (ил. 16. С. 202). Несмотря на то что все они залежали хаотично, удалось проследить некоторые закономерности в их скоплении внутри погребальной конструкции. Так, зафиксировано, что предметы в виде небольших V-образных скобок залежали вдоль северной стены и никогда не встречены по центральной оси могилы и вдоль южного бревна. Продолговатые обкладки и длинные полоски из тонкой фольги без отверстий собраны в основном ближе к западной стенке сруба, а основное скопление бляшек из тонкого листа располагалось в центральной его части. Некоторые предметы найдены *in situ*. Под северной стенкой ближе к северо-западному углу зафиксирован след от деревянного прямоугольного блюда (ил. 17. С. 202), на котором залежало значительное количество фрагментов красно-черного лака и прямоугольные золотые

обкладки без отверстий. Лак в виде мелких фрагментов встречался и в других местах, но в центре восточной половины могилы найден крупный обломок стенки орнаментированной лаковой чашки, который удалось извлечь монолитом (ил. 18, 1. С. 203). Под восточной стеной удалось зачистить орнамент в виде ромбов, составленный из аргиллитовых цилиндрических пронизей. Еще одно скопление таких пронизей зафиксировано рядом, вместе с костями стопы (ил. 19). Сопоставление с орнаментами, известными по находкам в пазырыкских курганах и могильнике Локоть IVa [2, с. 120, табл. XXV–2; 8, с. 71, рис. 27, 12, 28, 9], позволяет утверждать, что подобным образом украшали обувь. Это обстоятельство очень важно, так как указывает на то, что человек в могиле лежал головой на запад. Из других предметов, обнаруженных в этом комплексе, необходимо отметить роговую пронизь в виде головы грифонообразного сайгака (ил. 13, 2. С. 201) и часть еще одной подобной поделки, от которой сохранился лишь клюв. Кроме того, в заполнении собраны мелкие обломки железных изделий, очевидно, оружия. Из определимых фрагментов можно указать части лезвия кинжала или меча и трехлопастных наконечников стрел. К железным обломкам прикипели фрагменты золотого листка, а на части рукоятки меча или кинжала отпечатались проволочная обмотка, похищенная при ограблении.

Количество нашивок и бляшек, найденных в ограбленной могиле 3, превысило полторы тысячи. Подавляющее большинство их выполнено из тонкой фольги, но ряд категорий изготовлены методом тиснения из листового золота. Несмотря на то что здесь нет бляшек на бронзовой основе, расположение их в могиле позволяет сделать некоторые выводы относительно декора погребального костюма. Поскольку установлено, что покойник был ориентирован головой на запад, то можно отнести длинные полоски из фольги без отверстий, собранные в этой части сруба, к остаткам украшений головного убора. Остальные нашивки,

Ил. 16. Некоторые находки из могилы 3.
(См. цв. вклейку на с. 202)

Ил. 17. Могила 3. Остатки деревянного блюда
и фрагменты лаковой посуды на нем.
Фото В. И. Никифорова. (См. цв. вклейку на с. 202)

Ил. 18. Находки. Могила 3
(См. цв. вклейку на с. 203)

Ил. 19. Могила 3. Пронизы от украшений обуви в восточной части сруба. Фото В. И. Никифорова

даже самые маленькие, имеют отверстия. Для прямоугольных изделий характерны подгибы металла на обороте с двух противоположных сторон, свидетельствующие о дополнительном закреплении их на какой-то ленте. Вероятно, украшение костюма и производилось не пришиванием каждой бляшки отдельно, а монтажом таких лент с уже закрепленными на них нашивками.

Основные исследования последних трех полевых сезонов были сосредоточены на раскопках основного захоронения в кургане – могилы 1. После удаления бровки в центре кургана было околонушено огромное пятно, вытянутое по оси СВ–ЮЗ, размерами 12,5×8,5 м (ил. 20). Его неправильные очертания и наличие древесной щепы уже на уровне материка свидетельствовали о сильном ограблении, совершенном бугровщиками, проникшими в захоронение сверху путем устройства обширной ступенчатой ямы. Крупные обломки гранита, встреченные в заполнении, указы-

вали на наличие каменных погребальных конструкций, что и подтвердилось при раскопках. Первоначально могильная яма была засыпана грунтом материкового выкида из нее, поэтому реальные стенки могилы в верхней части определить было непросто. Однако на уровне остатков перекрытия погребальной камеры, зафиксированных на глубине от 4 м и ниже, по периметру могилы залегал темный гумусированный грунт, специально принесенный и уложенный при устройстве сооружения. Он контрастно отделялся от материковых стенок и позволил точно выявить границы ямы с уровня перекрытия по всей площади, за исключением южного угла, разрушенного при позднейшем проникновении бугровщиков.

Могильная яма имела размеры 8,8×6,4 м; внешние границы цисты, построенной из камней на дне, совпадали по длине, но были меньше в ширину – 8,8×4,5 м. Такая разница объясняется тем, что вся конструкция

Ил. 20. Могила 1. Пятно могильной ямы

Ил. 22. Могила 1. Сохранившаяся кладка стены погребальной камеры. Фото В. И. Никифорова

Ил. 21. Могила 1 на уровне остатков погребальной камеры. На переднем плане – воронки бугровщиков. Фото В. И. Никифорова

Ил. 23. Могила 1. Северный угол погребальной камеры в процессе исследований. На переднем плане – пятно грабительского лаза. Фото В. И. Никифорова

смещена к северо-западной стенке ямы (ил. 22). Можно предположить, что это архитектурное решение обусловлено технической необходимостью наличия рабочей площадки внутри могилы для спуска в нее

больших камней, вес которых иногда превышает 300 кг. Во всяком случае, никаких культурных остатков, свидетельствующих о каком-то ином использовании этого довольно обширного пространства под юго-восточной

Ил. 24. Могила 1. Вымостка дна ямы, прослойка глины и упавшая стена сруба. Фото В. И. Никифорова

Ил. 25. Могила 1. Северный угол сруба в процессе исследований. Фото В. И. Никифорова

Ил. 26. Могила 1. Погребальная камера в процессе исследований. Фото В. И. Никифорова

стеной ямы, совершенно не затронутого поздними проникновениями, здесь не зафиксировано.

Циста была сложена из обломков скальных пород, по преимуществу гранитов, и имела стенки в пять/шесть слоев (ил. 22–24). Лучше всего сохранилась конструкция северо-западной стенки цисты и часть северо-восточной стенки ближе к северному углу. Здесь в качестве основы стены был установлен на ребро крупный камень высотой около 1 м (ил. 24).

Размеры сруба, помещенного внутри цисты, 6×2,5 м – устанавливаются по его трем зафиксированным углам. При этом, учитывая

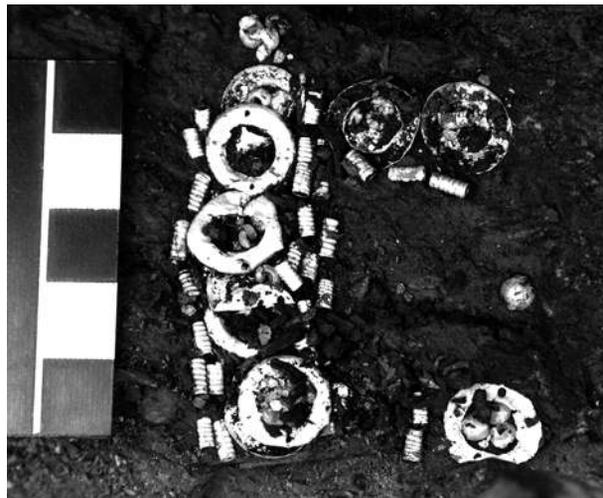
уничтоженный южный угол и сильно разрушенную юго-западную стенку, не исключено, что в этой части он мог быть шире. Сруб, сложенный из сосновых бревен, первоначально имевших диаметр в среднем 15 см, лучше всего сохранился в северном углу. Здесь зафиксировано семь венцов, но, вероятно, стена была как минимум на два венца выше (ил. 25). Западный угол сохранился в высоту на три венца, восточный – гораздо хуже, но и здесь прослежено сопряжение нескольких венцов. Во всех углах зафиксировано, что сруб был сложен в обло с остатком, замковыми вырубками вверх. Чашки вырубков выполнены только с одной стороны бревна. Внутри цисты по

периметру на отдельных участках зафиксированы упавшие стены сруба.

В углах сруба, а также в середине длины продольных стен прослежены ямы от столбов, которые осуществляли дополнительное крепление деревянных стен внутри цисты. Кроме того, столбы в средней части, вероятно, служили опорой для поперечного бревна, поддерживающего накат перекрытия. Глубина столбовых ям была значительной, как это зафиксировано в западном углу – до 0,82 м от дна могилы. Внутри этой ямы прослежены остатки столба с обугленной поверхностью и приостренным концом. В заполнении ямы встречен мелкий щебень от забутовки. В остальных ямах, отчетливо зафиксированных в верхней части, выбрать заполнение до их дна не удалось из-за чрезвычайной влажности материковой глины.

Площадь дна могильной ямы внутри сруба и под ним была вымощена обломками гранита и засыпана глиной (ил. 24). Глиняная прослойка, вероятно, служила для выравнивания поверхности. Очень влажная глина дна ямы местами сильно продавлена тяжелыми камнями, что обусловило некоторую вариабельность глубины могилы – около 5,6 м. В ряде мест на поверхности глины хорошо прослеживалась тонкая органическая прослойка, вероятно, являющаяся покрытием дна погребальной камеры. Признаков того, что внутри могилы мог быть устроен деревянный пол, нет. На это же указывают участки под северо-западной стеной погребальной камеры, где на поверхности темной органической прослойки зафиксированы находки разрозненных украшений одежды. Кроме того, один небольшой фрагмент какого-то украшения, состоящий из золотых нашивок, пронизей и стеклянных бус, сохранил расположение элементов декора, близкое к первоначальному (ил. 27. С. 203).

Помимо этого фрагмента, почти все находки сделаны в заполнении, а те из них, которые залегали на уровне условного пола погребальной камеры, были разрознены и явно

Ил. 27. Могила 1. Украшение из бляшек, пронизей и бус на дне погребальной камеры. Фото В. И. Никифорова. (См. цв. вклейку на с. 203)

Ил. 28. Могила 1. Деталь шпильки. Золото, камень, железо. (См. цв. вклейку на с. 204)

Ил. 29. Могила 1. Фрагмент лакового покрытия сосуда (См. цв. вклейку на с. 204)

Ил. 30. Могила 1. Ступень, вымощенная колотыми досками и лопата на дне шурфа бугровщиков

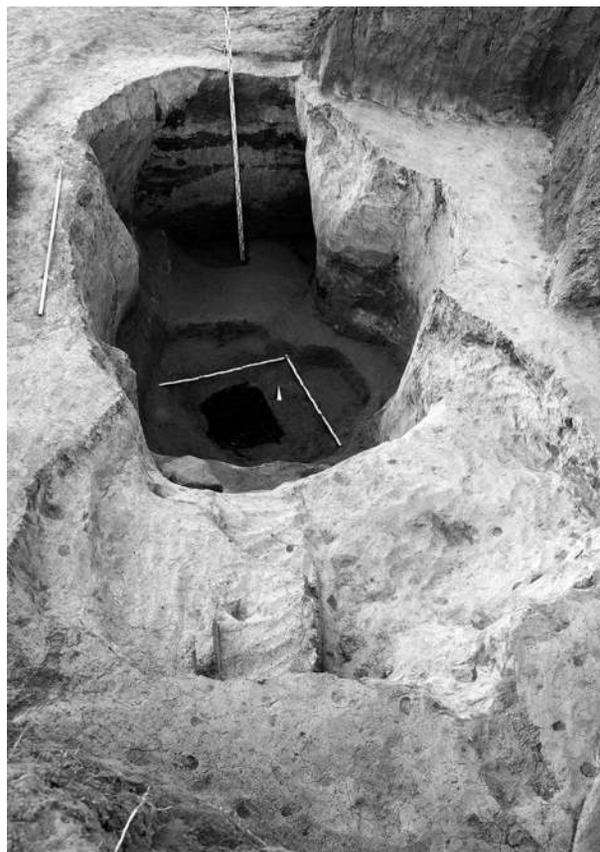

Ил. 31. Вертикальная шахта древних грабителей, ведущая в могилу 1. Фрагменты скелета на дне.
Фото В. И. Никифорова

перемещены (ил. 28; 29. С. 203–204). Это вызвано неоднократными проникновениями грабителей. Особенно сокрушительным было позднейшее вскрытие могилы бугровщиками, произведенное, вероятно, уже в XVIII веке. Следы их деятельности прослеживались с самого начала исследования кургана. Еще при работе бульдозера и фиксации разрезов в центральной части кургана была видна обширная яма, заложенная грабителями. В верхней части могилы она срезала края лежавших на уровне погребенной почвы выкидов. Далее вглубь бугровщики сместили свой шурф в юго-западную половину могилы, устраивая ступени через каждые два метра. Эти ступени, вымощенные колотыми досками, зафиксированы в южном углу (ил. 30). Вероятно, они позволяли передавать какие-то емкости с грунтом наверх. Для извлечения и перемещения камней грабители пользовались рычагами, изготовленными из небольших в диаметре стволов березы. Вероятно, ими устраивались какие-то простейшие блочные конструкции, так как в верхней части заполнения найдено бревно с поперечными бороздами, протертыми веревками. Поскольку заполнение ямы было очень влажным, то, скорее всего, грунт не выкидывался, а нагружался в емкости, которые передавались наверх или вытягивались на веревках. Работали бугровщики деревянными лопатами, одна из которых найдена около нижней ступени (ил. 30). Очистка лопат от налипшей глины производилась пучками травы, зафиксированными во множестве в грабительской воронке. Для осушения дна могилы и отвода из нее воды в южном углу была устроена яма-колодец, выкопанная ниже уровня дна более чем на 1 м (ил. 21). Этот колодец использовали и для перемещения крупных камней. Юго-западная половина площади сруба также была прокопана при ограблении на полметра глубже материкового дна ямы. В такую яму удобно было перемещать камни вымостки дна, которые отсутствовали на большей части площади могилы в момент

наших работ. Ямами была разрушена вся южная часть захоронения. Вероятно, таким образом бугровщики собирали со дна мелкие золотые предметы.

Однако впервые могила была ограблена еще до проникновения в нее бугровщиков. Более того, тело погребенного, облаченное в расшитые золотыми бляшками одежды, было унесено. Эти действия были осуществлены, вероятно, спустя непродолжительное время после похорон через подземный ход, ведущий в могилу от южной полы кургана. Исследования показали, что проникновение было совершено путем подкопа под каменную стену цисты в северо-восточной ее части. Подкоп был сделан под еще крепкий сруб со свободным пространством внутри: на это указывает нижнее бревно стенки сруба, сохранившее свое первоначальное положение. Часть стены цисты провалилась в полость этого хода, по-видимому, позже, уже после вытаскивания через него останков погребенного. В процессе исследования здесь найдены отдельные кости – несколько ребер, находящихся в сочленении с позвонками и фрагменты разбитого черепа (ил. 31). На то, что скелет к моменту древнего проникновения в могилу еще не распался, указывает косвенным образом и большое количество разнообразных мелких бляшек и нашивок, найденных в заполнении. Очевидно, они осыпались с костюма, когда тело вытаскивали через ход довольно сложной конфигурации. В последний сезон подземный ход, ведущий от входной ямы в южной поле кургана (ил. 32), был исследован и конфигурация его определена (ил. 6. С. 199). Он проходил на глубине около трех метров под уровнем материка, огибал могильную яму с востока и спускался к ней вертикальной шахтой. На дне и в заполнении этой шахты обнаружены разрозненные части скелета женщины (?) 40–50 лет³. Но в заполнении хода были найдены и кости кисти руки в сочленении, что

Ил. 32. Входная яма и начало подземного хода, ведущего в могилу 1. Фото В. И. Никифорова

свидетельствует о сохранности останков на момент этого древнего ограбления.

В процессе исследований в заполнении могилы были найдены многочисленные мелкие предметы. В основном это остатки украшений погребального костюма и, вероятно, декора самого сруба (ил. 13, 6–8. С. 201). Кроме того, собраны фрагменты посуды из разнообразных материалов – из глины, камня, бронзы, серебра и лакированного дерева. Несмотря на то что все артефакты залежали в слое перемешанной глины, щепы и камней в перемещенном состоянии, некоторые заключения все же можно высказать. Так, если многие нашивные бляшки и обкладки найдены вблизи уровня дна погребальной камеры по всей ее площади, то фрагменты сосудов обнаружены в северо-западной

³ Предварительные антропологические определения выполнены Е. Л. Учаневой (МАЭ РАН).

Ил. 33. Могила 1. Керамический сосуд.
Реставратор Б. А. Кутергина

Ил. 34. Могила 1. Ножка каменного жертвенника
в заполнении

четверти внутреннего пространства могилы. Исключение составляет керамический сосуд (ил. 33), отдельные фрагменты которого собраны еще в верхней части заполнения, в выкиде грабительского хода. Однако большинство его частей также залегало под северо-западной стенкой сруба вблизи дна. Здесь же найдена ножка каменного алтаря (его вторая ножка и осколки венчика обнаружены на уровне камней перекрытия) (ил. 34). Многочисленные фрагменты лака с черно-красным орнаментом (ил. 29. С. 204), по-видимому, от нескольких сосудов, были нами сразу же законсервированы в той же глине, в которой залегали (ил. 18, 2. С. 203). Это позволило сохранить их для дальнейшей работы. Мелкие обломки бронзовых и серебряных пластин тоже могут являться остатками посуды. Некоторые из этих фрагментов плакированы золотой фольгой и орнаментированы (ил. 18, 3. С. 203). Неожиданностью стало наличие в могиле мелких осколков сосуда из прозрачного голубоватого стекла.

Некоторые предметы относятся к категории личных украшений и аксессуаров. В их числе навершие шпильки, состоящее из железного стержня с надетыми на него бирюзовой восьмигранной бусиной и золотым цилиндром, декорированным тремя рядами зерни и проволоки (ил. 13, 5. С. 201). К этой же шпильке, вероятно, относятся два фрагмента железного стержня, один из которых обернут рифленным золотым листом. Уже в заполнении древнего грабительского хода найден подвес к серьге в виде золотой проволоки с петлей и гроздью из четырех шариков на концах и надетыми на нее округлой бирюзовой бусиной и проволочным конусом (ил. 28. С. 203). Возможно, подвесами к серьгам являются и золотые цилиндрические украшения с шестью округлыми выступами и отверстием в центре, найденные в двух экземплярах (ил. 13, 3. С. 201). В заполнении могилы и грабительского хода найдены четыре сердоликовые бусины и одна плоская из бирюзы. Обломок изогнутого бронзового

стержня скорее всего является частью браслета. Некоторые сильно фрагментированные бронзовые изделия определить однозначно затруднительно: обломки массивного плоского предмета с закраиной в виде валика могут оказаться частями зеркала, а еще один обломок, судя по сечению, – частью ножа.

Среди щепы в центральной части могилы обнаружены часть псаля и фрагмент звена железных удила, спекшийся с обломками псаля в монолит. Рядом найдена железная обойма, возможно, тоже от конского снаряжения. Такой же псаля и звено удила ранее были обнаружены при зачистке могильного пятна на уровне материка. Обломок еще одного звена удила найден на уровне камней перекрытия. Эти предметы, при полном отсутствии костей лошади в могиле, свидетельствуют о присутствии в комплексе ритуального приклада конской сбруи. Судя по количеству псаля и фрагментов удила, в прикладе было не менее двух уздечных комплектов.

Среди многочисленных находок, сделанных в могиле и в подземном ходе, отметим несколько бляшек, выполненных в зверином стиле. Они золотые на бронзовой основе и изображают львов, а некоторые, вероятно, крылатых львов (ил. 13, 4. С. 201). Кроме этого, найдена объемная головка хищника из бронзы (ил. 18, 4. С. 203), которая, возможно, тоже была покрыта золотой фольгой. У этого изделия внутри сохранилась органика, видна скрученная нить. Из нескольких фрагментов была собрана зооморфная аппликация, изображающая распластанного зверя с двумя когтистыми лапами.

Подводя предварительный итог многолетней работе, необходимо дать краткую культурно-историческую характеристику исследованному кургану. Памятник расположен в ареале каменной археологической культуры скифского времени, и его устройство и планиграфия могил не противоречат соотношению с этим кругом древностей. Получены результаты определения возраста, выполненные в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН

по образцам из деревянных конструкций: 2150±25 ВР (Ле 8836); 2120±40 ВР (Ле 8837). Калиброванные значения этих дат достаточно широки – от конца IV до I века до н. э., но согласуются с известными аналогиями находкам. Наиболее же точно памятник может быть датирован по фрагментам лаковой посуды. Н. А. Сулягина⁴ в результате исследований этих находок пришла к выводу, что ближайшими аналогиями являются чашечки *эр-бэй* и шкатулки, происходящие из погребений в центральных провинциях Китая – Хубэй и Хунань. Наиболее ранняя из таких могил датируется 217 годом до н. э., а наиболее поздняя – началом эпохи Западная Хань [3].

Золотые украшения, сохранившиеся несмотря на неоднократные сокрушительные ограбления могил, говорят о чрезвычайном богатстве захоронений. Разнообразии форм бляшек и нашивок предполагает облачение погребенных в костюмы, сопоставимые с нарядом так называемого «Золотого человека» из кургана Иссык, исследованного К. А. Акишевым в Семиречье [1]. Наличие значительного количества обрывков золотой фольги свидетельствуют о декорировании этими обкладками каких-то атрибутов и предметов из органических материалов. Небольшой фрагмент украшения из кольцевидных бляшек, пронизей и стеклянных бус, зафиксированный в основном погребении, показывает сложность композиции декора (ил. 27. С. 203).

Сопоставление полученных материалов с кругом известных в настоящее время комплексов, включающих представительные наборы золотого декора костюмов, уже предварительное проведено в нескольких работах [6, 7], однако тема эта далеко не исчерпана. В результате наших исследований получена богатая информация о различных аспектах, которые требуют дальнейшего изучения. Можно выделить

⁴ Н. А. Сулягину, принимавшую непосредственное участие в раскопках памятника в течение всех полевых сезонов, можно считать соавтором проведенных исследований.

некоторые: золотые облачения в культуре номадов как источник для реконструкции древних культов; социальная структура общества, оставившего каменскую культуру; культурные связи кочевников Предальтайской равнины; бугровщичество как промысел русского населения при освоении новых земель.

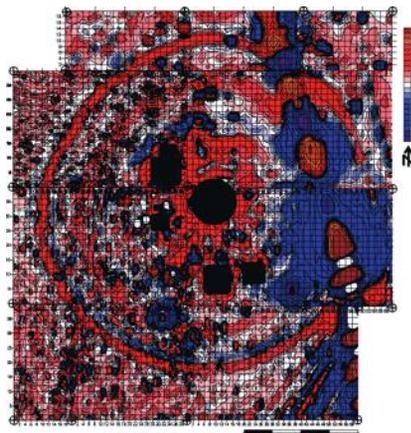
Материалы Южно-Сибирской экспедиции поступили в Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмита-

жа⁵. Представительный комплекс находок из могильника Бугры закрывает лауну в археологическом собрании Эрмитажа, где до сих пор не было материалов скифского времени из Алтайского края.

⁵ В Эрмитаж на постоянное хранение поступили также предметы из раскопок кургана 4 могильника Бугры, проводившихся экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А. А. Тишкина (колл. 2952).

Литература

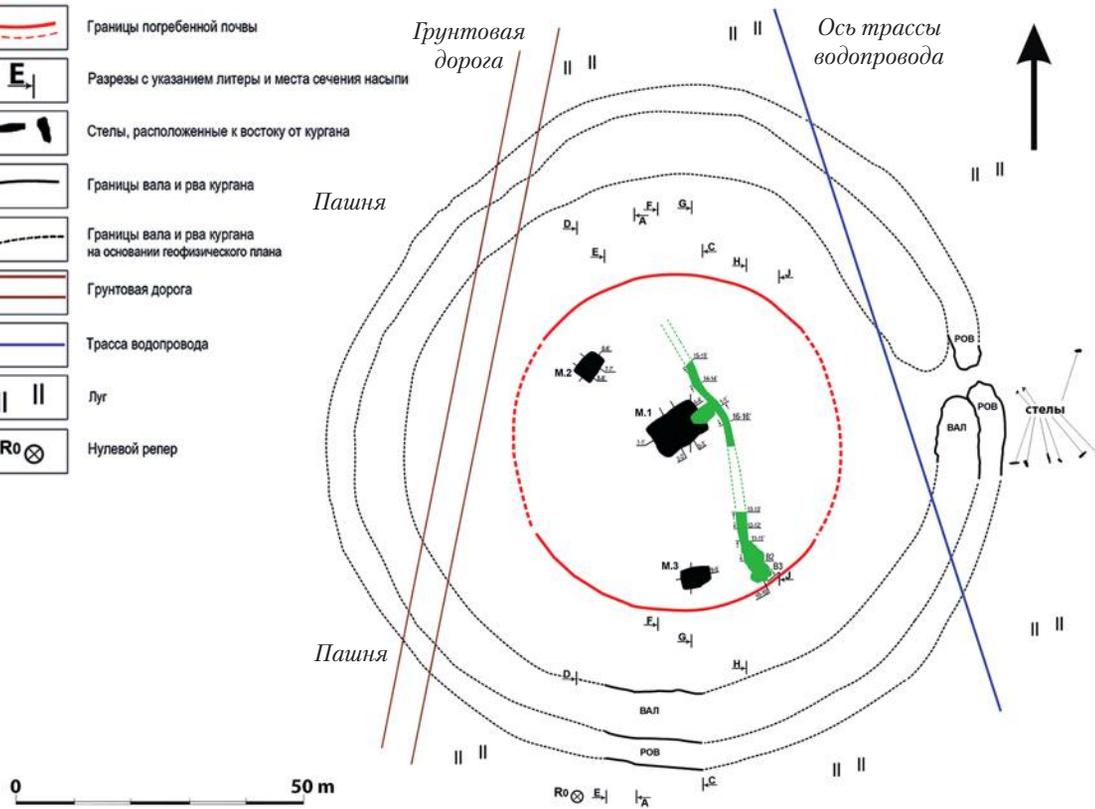
1. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
2. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953.
3. *Сутягина Н. А.* Лаковые изделия из погребенный могильника Бугры в Алтайском крае // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири : мат. междунар. конф. в Хух-Хото. Т. 2: Хух-Хото, 2015. С. 619–628.
4. *Тишкин А. А., Чугунов К. В.* Археологические обследования в горах и предгорьях Алтая // Археологические открытия 2006 г. М., 2008.
5. *Тишкин А. А., Чугунов К. В., Чемякина М. А., Дядьков П. Г., Манштейн А. К., Позднякова О. А., Миненко М. И., Адайкин А. А.* Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007. С. 215–220.
6. *Чугунов К. В.* Захоронения «золотых людей» в традиции номадов Евразии (новые материалы и некоторые аспекты исследований) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 714–725.
7. *Чугунов К. В.* Золотые облачения у номадов Евразии как источник для реконструкции древних культов // Азия и Африка в меняющемся мире : тез. докл. XXVIII междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г. СПб., 2015. С. 354.
8. *Шульга П. И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.

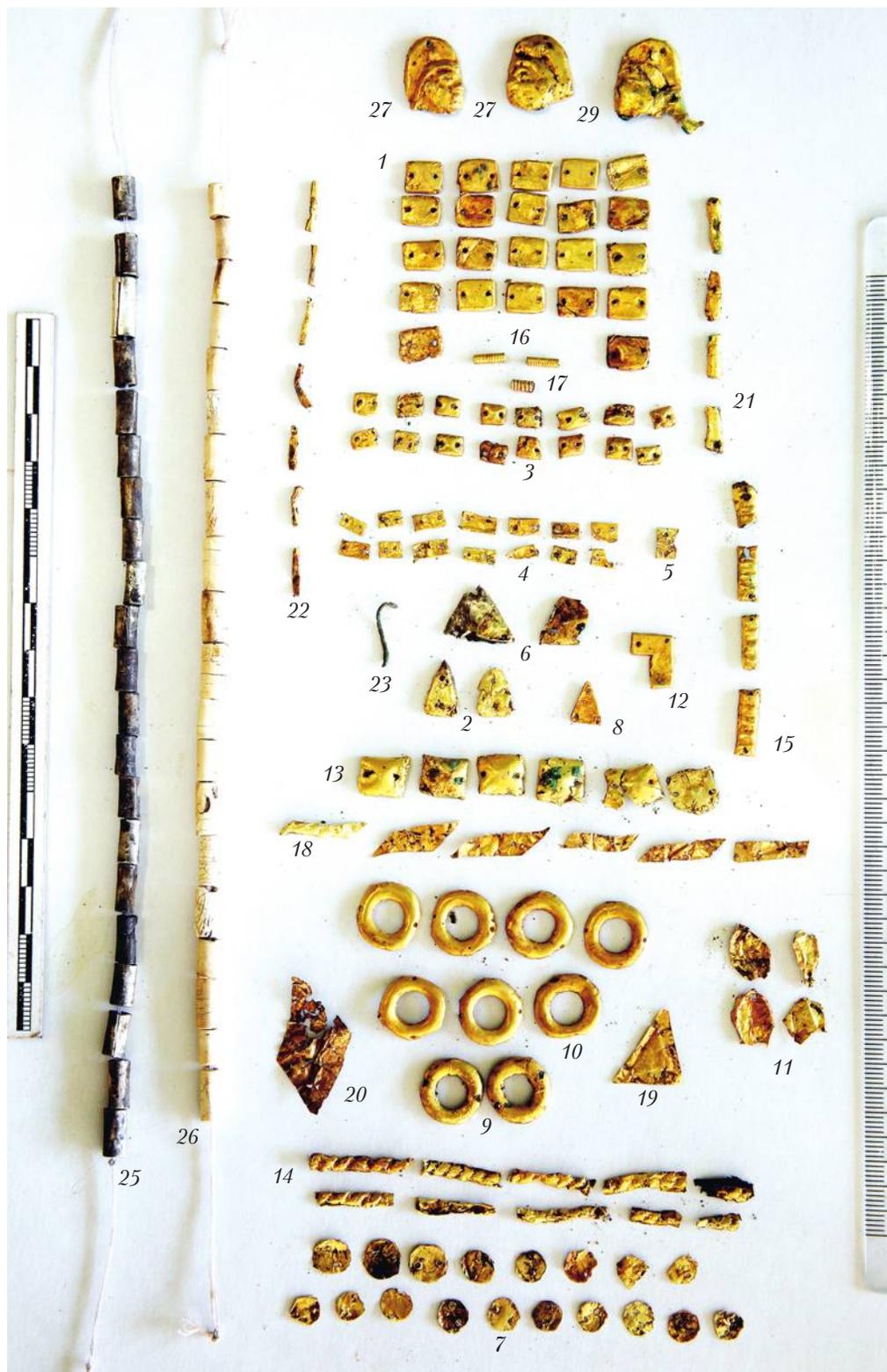
Ил. 4. Магнитометрический план кургана 1

Условные обозначения:

- Исследованные погребения с указанием номера и разрезов
- Границы подземного хода с указанием мест разрезов
- Границы погребенной почвы
- Разрезы с указанием литеры и места сечения насыпи
- Стелы, расположенные к востоку от кургана
- Границы вала и рва кургана
- Границы вала и рва кургана на основании геофизического плана
- Грунтовая дорога
- Трасса водопровода
- Луг
- Нулевой репер

Ил. 6. Курган 1. План-схема с обозначением основных разрезов и комплексов

Ил. 12. Некоторые находки в могиле 2

Ил. 13. Находки: 1 – серебряная бляха (могила 2); 2 – роговая пронизь (могила 3), 3 – золотая деталь от подвеса к серьге (могила 1); 4 – фрагмент бляшки в виде крылатого барса, золото, остатки медной основы (могила 1); 5 – подвес к серьге, золото, бирюза (могила 1); 6 – бляшки в виде ромбов, золото, остатки медной основы (могила 1); 7 – золотая бляшка в виде завитка (могила 1); 8 – обломок ажурной пластины, золото, медная основа (могила 1)

Ил. 16. Некоторые находки из могилы 3

Ил. 17. Могила 3. Остатки деревянного блюда и фрагменты лаковой посуды на нем. Фото В. И. Никифорова

Ил. 18. Находки. Могила 3: 1 – обломок лаковой чашки эр-бэй (фото В. И. Никифорова); 2 – фрагмент лакового покрытия сосуда. Могила 1: 3 – обломки серебряного сосуда (?) с орнаментом; 4 – бляшка в виде головы зверя, медь, органика

Ил. 27. Могила 1. Украшение из бляшек, пронизей и бус на дне погребальной камеры. Фото В. И. Никифорова

Ил. 28. Могила 1. Деталь шпильки. Золото, камень, железо

Ил. 29. Могила 1. Фрагмент лакового покрытия сосуда